

18 АПР. 42

С. ДУРЫЛИН

МАРЕЦКАЯ

Вере Петровне Марецкой принадлежит много замечательных сценических портретов, необыкновенно свежих по краскам, сочных по колориту, ярко впечатляющих по остроте рисунка, по сложной пылкости и глубине характеристики. Кто видел свободную, смелую, блестящую кисть Марецкой в Лизе («Горе от ума»), в Глафире («Волки и овцы»), в Бетти Дорланж («Школа неплательщиков» Вернейля), в Мирандолине («Трактирщица» Гольдони), тот никогда не забудет ни ласкающей прелести колорита, ни неуважающей яркости красок этих портретов. Но сколько бы мы ни любовались этими живописными богатствами портретов Марецкой, она могла бы остановить наши похвалы четырьмя — на одно слово измененными — стихами поэта:

Не колорит влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Эти слова выражают самое существо искусства Марецкой.

Когда, посмотрев ее Мирандолину, ей говорили: «Вы бы могли с этой ролью прямо перейти в «Comedie Française», на первую в мире сцену «классической комедии», — это было справедливо. В «Школе неплательщиков» Марецкая играла легкомысленную, дерзкую и лукавую французенку с таким виртуозным блеском, какой вряд ли сиял в последние годы в старом Доме Мольера.

Все обаяние мастерства Марецкой, вся «сладость» ее покоряющей театральности не были бы ни так прелестны, ни так радостны, если бы за ними и в них не светилась, не обогривала своим вешним телом «любовь и радость бытия». Вот в чем источник обаяния Марецкой, вот в чем радость ее искусства, его близость и нужность советскому зрителю.

Мирандолина очаровательно смеется, проказит, шутит, танцует, — но это от того, что в ней поэт сердце ничем и никем незаглушимую песню о праве человека на счастье, о его воле завоевать это счастье.

Машенька — в пьесе Афиногенова — совсем не Мирандолина, а советская девочка наших дней. Совсем не легок тот путь, на который вывела ее жизнь. Но в ней, в этой девочке, сердце поет ту же песню о радости бытия, о сладости найти и утвердить человеческое в человеке, — и эту песню, по-детски правдивую, Марецкая сумела передать с такой прекрасной простотой, с таким удивительным чи-стоzvучием, что простая песенка отдалась в каждом, кто ее слышал, голосом высокой правды, освещающей нелегкий труд жизни.

Никакой «комедианности» не было в этой Машеньке, а между тем источник светлой жизнерадостности был в ней ключом.

Вспоминается Любовь Яровая Марецкой. Тут не было ни смеха, ни веселости, ничего из того, чем так богата Марецкая в «Волках и овцах» и в «Трактирщице». Она не играла в Любовь Яровую героиню, как играют многие. Но она с любящим вниманием показывала рост сердца, созревание мужественной мысли и воли этой учительницы, испытавшей второе рождение в революции. Марецкой удалось показать героическую жизнь, как жизнь простую, естественную, как нормальное бытие человека наших дней. Этот образ, далеко не оцененный при своем появлении, с особенной благодарностью вспоминается теперь, когда повседневно в героической простоте совершаются дела, ставящиеся достойным истории; вершители этих дел — родные братья и се-

стры той Любови Яровой, которую по-прежнему звали Марецкая.

В грозные дни отечественной войны Марецкая вышла на сцену Надеждой Дуровой в пьесе К. Линскерова и А. Кочеткова, — и с властью и свободой, свойственной большим художникам, передала нас в эпоху первой отечественной войны.

Как в 1812 году, в это «корнет Александрова» с солдатским Георгием на груди влюблена была вся русская армия от простого казака до Кутузова, как в образ «кавалерист-девицы» влюблена была в свое время вся русская поэзия от песенника-гусара до Пушкина, так в Дурову-Марецкую, в эту чудесную девушку-герою, с первого же спектакля влюбился весь зрительный зал, все товарищи по другим театрам и — редчайший случай! — все критики спектакля.

Не нужно было доказывать правдивость поэтического образа, созданного Марецкой: не только от слова, от каждой улыбки Надежды Дуровой веяло тем освежающим дыханием жизни, которое есть первый признак художественной и исторической правды. Такая девушка — думалось зрителю, — смелая умная, благородная в своем патриотическом порыве, — не просто могла быть в 1812 году, — нет: она не могла не быть в эпоху, когда народ оборонял свою родину от иноземных завоевателей. С кем бы ни была, ни говорила Дурова-Марецкая, — с отцом, отставным гусаром, или с Александром I, с нянькой Марьей или с поэтом-партизаном Гурцевым, — всюду это была сама естественность, сама непринужденность, сама правда; каждый, смотря на Дурову-Марецкую, верил: так, а не иначе, должна чувствовать, говорить, действовать эта девушка-герою, ушедшая на войну.

Марецкая играла (как неверно здесь это слово!) перед самым строгим и требовательным зрителем: перед участниками второй отечественной войны, которые по боевому опыту знают, как чувствуют, что говорят и как действуют девушки-герои. И Марецкая выдержала этот строгий и почетный суд: зрители дали восторженный отзыв образу, созданному артисткой.

Марецкая не романтизировала свой образ. Она как всегда, была верна внутренней правде, но самая эта правда светлых чувств и благородной воли, всецело отданных родине, была передана артисткой с таким горячим соучастием в них, что сама собою возносила простой образ русской девушки до героической высоты, делая его близким и родным зрителю.

..Русская земля

Не будет под пятою иноземца.

Есть у нее защитники! Друзья!

Клянемся так сражаться в каждой

битве,

Как мы сражались в день Бородина.

Эти одушевленные слова зритель воспринимает из уст Надежды Дуровой, как призыв, обращенный к настоящему.

И если в каждой роли Марецкой светилась «любовь и радость бытия», то в ее Надежде Дуровой она светится сильнее, пылнее, чем когда-либо. Ибо нет большей радости бытия, как посвятить его борьбе за свободу и будущее своей родины, и нет выше любви, чем любовь к своему народу.

Марецкая — деятельная участница этой борьбы за будущее, за счастье своего народа. Род ее оружия — искусство; и высокая награда, полученная ею, свидетельствует о том, что оружием этим она владеет с превосходной силой и высоким мастерством.